

КОНТРАКТ *для двоих*

МАША МАЛИНОВСКАЯ

Маша Малиновская

Контракт для двоих

«Автор»

2026

Малиновская М.

Контракт для двоих / М. Малиновская — «Автор», 2026

Вика Зеленцова, студентка журфака из семьи «новых денег», и Максим Романов, наследник старой аристократии, терпеть друг друга не могут. Но обоим срочно нужно жильё, а хозяйка сдаёт квартиру только парам. Так начинается их сделка: притвориться влюблёнными, подписать контракт с правилами и не влюбиться по-настоящему. Только вот жизнь не спрашивает разрешения. Совместные походы в «Ленту», споры о гречке, визиты родственников и бывшие, которые возвращаются в самый неподходящий момент, — всё это медленно ломает стены между ними. История о том, как два упрямых человека учатся говорить, слышать и выбирать друг друга каждый день.

© Малиновская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Объявление»	5
Глава 2. «Просмотр»	8
Глава 3. «Соперники»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Маша Малиновская

Контракт для двоих

Глава 1. «Объявление»

В кафе на Никольской пахло корицей и мокрыми куртками. Я пришла сюда после семинара по редактированию, заказала капучино и заняла место у окна, чтобы никто не сел напротив. За окном моросил октябрь, люди шли быстро, прятали руки в карманы, и мне было хорошо от того, что я сижу внутри, в тепле, с горячей чашкой и ноутбуком.

Ноутбук я открыла не для учёбы. Хотя вообще-то должна была готовить материал для учебной газеты, интервью с деканом, которое перенесли на следующую неделю, и я честно собиралась начать сегодня. Вместо этого я уже сорок минут листала объявления о съёмном жилье.

Дело в том, что хозяйка квартиры, тётя Люда, позвонила мне в прошлую среду и сообщила новость, от которой у меня на секунду опустились руки. Она продаёт квартиру. Срочно, потому что дочери нужны деньги на ипотеку, а сама она переезжает к сестре в Тулу. Я не винила её, она сдавала нам жильё три года по цене ниже рынка и никогда не приходила без предупреждения. Но факт оставался фактом: к концу ноября мне нужно было куда-то переехать.

Настя тогда сказала мне, что это отличный повод начать взрослую жизнь и снять что-то своё. Настя вообще всё воспринимает легко, она живёт в общежитии и считает, что любые бытовые трудности закаляют характер. У неё на этаже одна душевая на двадцать человек, и она называет это «социальным тренажёром».

Я так не умею. Мне нужна тишина, чтобы писать. Мне нужно место, где я могу разложить бумаги, развесить стикеры на стене и не бояться, что кто-то зайдёт без стука. Мне нужно своё пространство.

Проблема была в деньгах. Родители дают мне сорок тысяч в месяц, и это очень щедро, я это понимаю. Папа каждый раз при переводе пишет одно и то же сообщение: «Это на жизнь, но если хочешь больше, приезжай домой и работай в сервисе». Мама добавляет смайлик. Я не хочу домой и не хочу в сервис. Я хочу писать. Поэтому мой реальный бюджет на квартиру — тридцать пять тысяч, и то, если я откажусь от такси и начну обедать в столовой университета, а не в кафе.

Я вбила в поиск «студия рядом с метро до 35 000» и за пять минут поняла, что за эти деньги сдаются либо комнаты в коммуналках на окраине, либо квартиры, где на фотографиях видны следы плесени и ковры на стенах.

Тогда я расширила поиск. И вот тут оно появилось.

Объявление было коротким. «Уютная двухкомнатная квартира в пяти минутах от метро. Светлая, с ремонтом, есть всё для жизни. 40 000 в месяц плюс коммунальные. Только для семейных пар».

Я перечитала последнюю строчку трижды. Потом ещё раз, уже вслух, тихо, чтобы никто в кафе не обернулся.

Только для семейных пар. Разумеется.

В этом городе всё устроено против студентов. Хочешь снять жильё — покажи справку о доходах. Нет справки — плати за полгода вперёд. Готов платить вперёд — а ты, деточка, вообще работаешь? А кто за тебя поручится? А почему без родителей? А вдруг ты вечеринки будешь устраивать? А вдруг ты кота заведёшь, а потом съедешь и оставишь мне обои в шерсти?

Я откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. Дождь усилился, по стеклу ползли капли, и в отражении я увидела своё лицо, которое мне не понравилось. Слишком усталое для двадцати лет.

В этот момент в кафе вошла Настя. Она нашла меня сразу, хотя я сидела в самом углу, и направилась ко мне, стряхивая воду с зонта прямо на пол. На ней было пальто не по погоде, ярко-зелёное, и шарф, который она, кажется, связала сама, потому что он был кривой и от этого казался ещё лучше.

— Ты чего такая? — спросила она, садясь напротив и отбирая у меня чашку. — Опять не поела?

— Я поела, — соврала я.

— Врёшь. У тебя лицо, как у человека, который весь день пил кофе на голодный желудок. Что случилось?

Я развернула ноутбук к ней и показала объявление. Настя прочитала, хмыкнула, отпила моего капучино и вернула мне чашку.

— Только для семейных пар, — произнесла она с интонацией, будто читала анекдот. — Ну да, конечно. А если ты не семейная, то тебе что, жить в парке?

— Видимо, да.

— Слушай, — она наклонилась ближе и понизила голос, хотя в кафе играла музыка и нас никто не мог слышать. — А найди парня и скажи, что вы пара. Проблема решена.

Я засмеялась. Настя всегда так: сначала скажет какую-нибудь очевидную глупость, а потом окажется, что она это не шутила.

— Смешно, — сказала я. — И где я, по-твоему, найду парня за неделю до просмотра?

— В университете полно мальчиков. Ты просто их не замечаешь, потому что смотришь в книги.

— Мне не нужен парень. Мне нужна квартира.

— А это, — Настя подняла палец, — две большие разницы. Но иногда они совпадают.

Я не стала спорить. Вместо этого снова посмотрела на объявление. Сорок тысяч. Плюс коммуналка. Получается около сорока пяти. Если я найду соседа, то мы поделим пополам, и моя доля будет двадцать две с половиной тысячи. Это уже вписывается в бюджет. Остаётся только решить вопрос с «семейной парой».

Я закрыла ноутбук и убрала его в рюкзак. Настя доела мой круассан, который я так и не тронула, и рассказала мне про свою соседку по общежитию, которая влюбилась в аспиранта с философского и теперь пишет ему стихи. Я слушала вполуха и думала о своём.

Я всегда справляюсь. В школе я сама подготовилась к экзаменам, потому что учителя болели. На первом курсе я сама нашла подработку в редакции районной газеты, когда родители сказали, что денег на карманные расходы больше не будет. На втором курсе я сама разобралась с пересдачей по истории, хотя все вокруг говорили, что это невозможно. Я не привыкла просить помощи и не собиралась начинать сейчас.

Значит, я найду выход. Найду соседа, договорюсь с хозяйкой, решу вопрос с семейной парой. Как именно, я пока не знала, но это было неважно. Главное — не сидеть сложа руки.

Когда Настя ушла на пару, я достала телефон и набрала номер из объявления. Гудки шли долго, и я уже почти положила трубку, когда на другом конце ответили.

Голос был женский, спокойный и чуть надтреснутый, как у человека, который много лет говорил с детьми и привык к тому, что его слушают.

— Да, слушаю.

— Здравствуйте, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я по объявлению. Квартира на Пушкинской ещё сдаётся?

— Сдаётся, — ответила женщина. — Меня зовут Валентина Петровна. Вы одна или с молодым человеком?

Я замерла. В кафе зазвенела ложка о блюде, кто-то за соседним столиком рассмеялся, и я услышала свой собственный голос, который произнёс то, чего я совсем не планировала.

— С молодым человеком.

Пауза. Валентина Петровна, кажется, улыбнулась. По крайней мере, голос у неё стал мягче.

— Вот и хорошо. Приходите с молодым человеком. Завтра в шесть вечера. Адрес записывайте.

Я записала адрес на салфетке и положила трубку. Потом посмотрела на салфетку, на свои кривые буквы, на чашку с остывшим кофе и поняла, что только что сделала.

Я соврала незнакомой женщине. Я сказала, что у меня есть парень, которого у меня не было. И теперь мне нужно было найти его до завтрашнего вечера, иначе я останусь без квартиры, а Валентина Петровна останется без жильцов.

Я снова открыла ноутбук. На этот раз я вбила в поиск не «снять квартиру», а «снять квартиру с соседом». Потому что если уж врать, то до конца.

Настя, когда я ей потом рассказала, смеялась так, что на нас обернулась половина кафе.

Глава 2. «Просмотр»

Дом на Пушкинской оказался старым, с лепниной над окнами и тяжёлой дубовой дверью, которая открылась только после третьего звонка. Я стояла на лестничной площадке с рюкзаком на плече и чувствовала себя самозванкой. В голове крутилось объявление, сорок тысяч, семейная пара, и я в сотый раз за сегодня сказала себе, что ничего страшного не происходит. Просто посмотрю квартиру. Просто поговорю с женщиной. Может быть, она даже не спросит про парня.

Дверь открылась, и на пороге появилась Валентина Петровна. Я представляла её иначе. Мне почему-то казалось, что хозяйка квартиры будет похожа на тётю Люду, с тяжёлым взглядом и папкой документов в руках. Но Валентина Петровна оказалась маленькой, сухонькой женщиной в синем халате и домашних тапочках, с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок. Она улыбнулась мне так, будто ждала в гости внучку.

— Здравствуйте, — сказала она. — Виктория, верно? Проходите, не стойте на пороге.

Я вошла и сразу поняла, почему это объявление вообще появилось в моей жизни. Квартира была именно такой, как на фотографиях, только лучше. Светлая прихожая с зеркалом в полный рост, деревянный пол, который слегка скрипел под ногами, но скрипел уютно, домашнему. В комнате пахло чем-то знакомым, кажется, пирогами или просто старой мебелью, которую много лет протирали одним и тем же средством. На подоконнике стояли фиалки в горшках, три штуки, все разные. Из окна был виден двор с детской площадкой и тополями, а если приглядеться, то за деревьями угадывалось здание нашего университета.

До вуза было минут десять пешком. Я знала это, потому что специально проверила по карте перед тем, как идти сюда, но одно дело смотреть на карту, и совсем другое стоять у окна и видеть свой корпус своими глазами.

— Комната ваша будет эта, — Валентина Петровна повела рукой в сторону. — Вторая комната моя, но я там почти не бываю. Я живу у сестры, а сюда приезжаю только проверить, всё ли в порядке. Так что вы будете жить одни, не считая, конечно, молодого человека.

Я кивнула и сделала вид, что рассматриваю обои, чтобы не встречаться с ней взглядом.

— Кухня вот здесь, — продолжала она. — Плита газовая, холодильник новый, я его в прошлом году купила. Ванная совмещённая, но горячая вода всегда есть, котёл работает исправно. Стиральная машина тоже имеется.

Она говорила спокойно и обстоятельно, как человек, который сдаёт квартиру много лет и знает, что важно для жильцов. Я слушала и одновременно считала в уме. Сорок тысяч плюс коммуналка, это примерно сорок пять. Если я найду соседа, то поделим пополам, и моя доля будет в пределах бюджета. Кухня хорошая, комната большая, до университета десять минут. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, и я уже понимала, что просто обязана получить эту квартиру.

— Ну что, — Валентина Петровна остановилась посреди гостиной и посмотрела на меня внимательно. — Квартира вам нравится?

— Очень, — честно ответила я.

— Вот и хорошо. А где ваш молодой человек?

Вопрос прозвучал спокойно, без нажима, но я почувствовала, как у меня вспыхнули щёки. Я стояла посреди чужой квартиры, в которой пахло пирогами и фиалками, и понимала, что если сейчас признаюсь, что никакого молодого человека нет, то Валентина Петровна просто покажет мне на дверь. Я уже видела, как она это делает, вежливо, но твёрдо, и как я выхожу на улицу, и как за мной закрывается та самая тяжёлая дубовая дверь.

— Он задерживается, — сказала я. — Пробки на Садовом, он звонил, предупредил, что опоздает минут на двадцать.

Валентина Петровна кивнула и не стала уточнять. Мне показалось, что она поверила. Или сделала вид, что поверила, потому что ей было всё равно. Она предложила мне чай, и я согласилась, потому что не знала, как правильно отказаться, и потому что мне нужно было время придумать, что делать дальше.

Мы сели на кухне. Валентина Петровна налила мне чай в большую керамическую чашку с синим узором и поставила передо мной блюдце с печеньем. Печенье было магазинное, но она выложила его на тарелку так аккуратно, будто это было домашнее.

— Я вам расскажу одну вещь, — начала она, помешивая чай. — До вас здесь жили студенты. Двое, мальчик и девочка, тоже говорили, что пара. Я тогда подумала, ну и хорошо, молодые, серьёзные, будут жить тихо. А через месяц они устроили потоп. Забыли закрыть кран в ванной, ушли на целый день, и вода залила соседей снизу. Потом начались вечеринки. Каждую пятницу гости, музыка, дым. Я приходила, просила, они обещали, а через неделю всё повторялось.

Она отпила чай и посмотрела на меня поверх чашки.

— Я не злая, Виктория. Я просто устала от этого. Мне не нужны деньги любой ценой, мне нужно спокойствие. Поэтому я теперь сдаю только семьям. Семейные люди понимают, что такое ответственность. Они не устраивают потопы и не курят на балконе.

Я слушала её и чувствовала, как внутри всё сжимается. Она была права. Я бы на её месте тоже не хотела сдавать квартиру двум студентам, которые только что съехали от родителей и впервые в жизни почувствовали свободу. Я бы тоже боялась потопов и вечеринок.

— Я серьёзная, — сказала я. — Я учусь на журфаке, у меня есть подработка, я не устраиваю вечеринок. Мне нужно место, где я могу спокойно заниматься.

— Я вам верю, — ответила Валентина Петровна. — Но вы одна. А я сдаю только парам.

— Мой молодой человек тоже серьёзный, — продолжила я, хотя понятия не имела, о ком говорю. — Он юрист, учится на четвёртом курсе, много занимается.

— Вот и познакомимся, — сказала она. — Приходите вдвоём. Завтра или послезавтра, как вам удобно. Я посмотрю на вас обоих и приму решение.

Она произнесла это мягко, но в её голосе была такая уверенность, что я поняла: спорить бесполезно. Она не сдаст квартиру одинокой девушке, сколько бы та ни убеждала её в своей серьёзности. Ей нужна была пара. Настоящая или хотя бы убедительная.

Я допила чай, поблагодарила её и вышла на улицу. На лестничной площадке я прислонилась к перилам и закрыла глаза. Дубовая дверь закрылась за мной с тихим щелчком, и я осталась одна в подъезде, с рюкзаком на плече и с полным пониманием того, что только что произошло.

Мне нужен фиктивный парень. Срочно. До завтра или послезавтра.

Я достала телефон и набрала Настю. Она ответила после третьего гудка, и я слышала, что она куда-то идёт, потому что ветер забивал микрофон.

— Настя, — сказала я. — Мне нужен фиктивный парень.

На том конце повисла пауза. Потом Настя засмеялась.

— Я знала, что ты до этого дойдёшь, — сказала она. — Только не думала, что так быстро.

— Я серьёзно. Хозяйка сдаёт только парам. Она сказала прийти вдвоём. Если я приду одна, квартиры мне не видать.

— Ладно, — Настя перестала смеяться. — Слушай, а почему бы тебе не найти кого-нибудь из универа? Кто-нибудь согласится за долю в квартире.

— Я никого не знаю настолько, чтобы просить о таком.

— Ну, — протянула Настя, — я подумаю. Может, у кого-то из моих знакомых есть знакомые.

Я поблагодарила её и положила трубку. Потом спустилась по лестнице и вышла во двор. На улице уже стемнело, зажглись фонари, и в их свете мокрый асфальт блестел, как зеркало.

Я шла к выходу со двора и прокручивала в голове разговор с Валентиной Петровной, пытаюсь придумать, кого я могу попросить о такой странной услуге.

И в этот момент я увидела его.

На скамейке у детской площадки сидел парень. Он был в чёрном пальто и сером шарфе, смотрел в телефон и, кажется, кого-то ждал. Я бы прошла мимо, если бы не узнала его лицо. Я видела его в университете, на общих лекциях по истории, которые журфак слушал вместе с юрфаком. Он всегда сидел на последнем ряду, что-то писал в блокноте и почти ни с кем не разговаривал.

Максим Романов. Я знала его имя, потому что оно мелькало в списках на конкурс стипендии, который мы оба подавали в этом году. Я знала, что он с юридического, что он из очень богатой семьи, и что он, кажется, единственный человек на потоке, который ни разу не заговорил со мной, хотя мы проучились вместе три года.

Он поднял голову и посмотрел на меня. Я хотела отвести взгляд, но не успела. Он тоже узнал меня, я это поняла по тому, как он чуть приподнял брови.

Мы смотрели друг на друга, наверное, секунды три, и за эти три секунды я успела заметить, что он выглядит так, будто тоже получил только что неприятный ответ.

Потом он снова уткнулся в телефон.

Я вышла со двора и пошла к метро. Мысли в голове путались. Я думала о квартире, о Валентине Петровне, о фиктивном парне, которого у меня не было, и о том, что завтра мне нужно либо найти этого парня, либо забыть о квартире на Пушкинской.

Глава 3. «Соперники»

Консультация перед конкурсом на стипендию Фонда назначена была на четыре часа в аудитории на четвёртом этаже. Я пришла за двадцать минут, потому что не умею опаздывать, и потому что хотела занять место у окна, где лучше всего думается. Аудитория была пустая, только преподаватель, Нина Аркадьевна, раскладывала на столе бумаги и что-то искала в сумке. Я поздоровалась и села в третьем ряду, разложила блокнот, ручку и распечатку с требованиями конкурса, которую читала уже раз пять, но всё равно перечитывала, потому что от неё зависело слишком многое.

Стипендия Фонда — это не просто деньги. Это одно место на весь университет, покрытое обучение, оплаченная стажировка в крупном издании или юридической фирме, и, что самое важное, возможность жить в Москве без оглядки на родителей. В этом году Фонд выделил одно место, и на него претендовали шесть человек с разных факультетов. Я знала всех шестерых по именам, потому что изучила список заранее, как изучаю всё, что касается моих целей.

Максим Романов был в этом списке. Я увидела его фамилию и не удивилась. Он подавал заявку каждый год, начиная с первого курса, и каждый год доходил до финала, но не побеждал. В прошлом году стипендию получил парень с физфака, который написал работу по квантовой механике. В позапрошлом — девушка с химфака, которая придумала какой-то новый фильтр для воды. Максим Романов всегда был в финале, но никогда не выигрывал, и я иногда думала, что это его задевает сильнее, чем он показывает.

В коридоре послышались шаги, и дверь открылась. Вошёл Максим. Он был в тёмно-синем свитере и серых брюках, с папкой в руках, и выглядел так, будто только что вышел из аудитории, где читал лекцию, а не пришёл на консультацию. Он поздоровался с Ниной Аркадьевной, потом обвёл взглядом аудиторию и остановился на мне.

Я видела, как он узнал меня. По лицу ничего не изменилось, но взгляд стал чуть внимательнее, как будто он что-то прикидывал в уме.

Он сел через два ряда от меня, ближе к выходу. Мне это понравилось. Я не хотела сидеть с ним рядом и не хотела, чтобы он думал, будто я его избегаю.

Нина Аркадьевна начала говорить о том, как будет проходить финал, какие документы нужны, какие темы можно выбрать для исследовательской работы. Я записывала, но краем глаза следила за Максимом. Он тоже записывал, иногда поднимал голову и смотрел на преподавателя, и я заметила, что он держит ручку иначе, чем большинство людей, не как все, а чуть под углом, будто писал не буквы, а чертил линии.

После консультации Нина Аркадьевна попросила нас задержаться на минуту. Она сказала, что в этом году конкурс будет сложнее, потому что Фонд ужесточил требования, и что нам обоим стоит подготовиться серьёзно. Потом она ушла, и мы остались вдвоём в пустой аудитории.

Я собирала вещи и не собиралась с ним разговаривать. Но он заговорил первым.

— Зеленцова, — сказал он, и голос у него был спокойный, без эмоций, как у человека, который привык говорить ровно. — Ты тоже претендуешь на стипендию?

Я подняла голову. Он стоял у своего места и смотрел на меня, и в его взгляде не было ни насмешки, ни удивления. Только вежливое любопытство.

— А ты думал, только тебе можно? — ответила я.

Он чуть улыбнулся, но не по-доброму. Скорее как человек, который услышал что-то предсказуемое и не собирается тратить силы на спор.

— Я думал, что журналисты обычно пишут тексты, а не претендуют на академические стипендии.

— А я думала, что юристы умеют читать правила. В условиях конкурса не сказано, что участвовать могут только юристы.

— В условиях не сказано, что участвовать могут только те, у кого есть связи, — ответил он, и вот тут я поняла, к чему он клонит. — Или у кого родители могут оплатить стажировку, если стипендию не дадут.

Я почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Он говорил это ровно, вежливо, но каждое слово было как камешек, брошенный в мою сторону. Я знала, что он имеет в виду. Он имел в виду мою семью. Он имел в виду, что мой отец владеет сетью автосервисов, а мама держит салон красоты, и что мы, Зеленцовы, — это «новые деньги», которые он и его семья, вероятно, считают чем-то вроде плесени на фасаде старой Москвы.

— Я не просила у родителей денег на стажировку, — сказала я. — И не собираюсь просить. Я подала заявку, потому что имею право.

— Право есть у всех, — ответил он. — Но побеждают обычно те, у кого есть хотя бы правильные знакомства.

— Ты это сейчас о себе? — спросила я. — О наследнике с папиной фамилией, который не может выиграть конкурс четвёртый год подряд?

Он замолчал. Я видела, что попала. Он смотрел на меня, и в его глазах появилось что-то новое, похожее на злость, которую он пытался спрятать за вежливостью.

— Нуворишка, — сказал он тихо. — Ты думаешь, что если твой отец купил тебе ноутбук и оплатил курсы английского, то ты стала равна тем, кто строил эту страну веками?

— Торгаш, — ответила я, не отводя взгляда. — Ты думаешь, что если твой прадед был дипломатом, то тебе все должны? Мне не нужна твоя родословная, чтобы победить. Мне нужна стипендия и я её получу.

Он усмехнулся, но это была не настоящая усмешка, а скорее защитная реакция. Он взял свою папку и пошёл к выходу. У двери он остановился и обернулся.

— Удачи, Зеленцова, — сказал он. — Она тебе понадобится.

Он ушёл, и я осталась одна в аудитории. Я села обратно за стол и несколько минут просто смотрела в окно, пытаюсь успокоиться. Я знала, что он всегда всё получает. Не потому, что он умнее меня, а потому, что у него есть родословная, имя, связи. Его отец знает нужных людей, его мать устраивает приёмы, на которых бывают те, кто решает, кто получит гранты и стажировки. Я не могла с этим соревноваться. Но я не собиралась сдаваться. Я никогда не сдавалась. Я справлялась сама, и справлюсь сейчас.

Когда я вышла из корпуса, на улице уже стемнело. Я шла к метро, но по дороге вспомнила, что не проверила объявления. Я достала телефон и открыла сайт, где смотрела квартиры. На главной странице висело то же объявление, что и вчера: «Уютная двухкомнатная квартира на Пушкинской. 40 000. Только для семейных пар».

Я остановилась. Прямо передо мной, на столбе, висело объявление, распечатанное на принтере, с тем же текстом и тем же номером телефона. Я подошла ближе, чтобы прочитать, и в этот момент услышала шаги за спиной.

Я обернулась. Максим Романов стоял в двух метрах от меня и смотрел на то же объявление.

Мы встретились взглядом. Он молчал. Я тоже молчала. В воздухе повисло что-то странное, как будто мы оба только что поняли то, чего не должны были понимать друг о друге.

— Ты тоже смотрела квартиру на Пушкина? — спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.